

0-784032

На правах рукописи

Сухоплещенко Кристина Юрьевна

**ЭТНОКРАТИИ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ:
ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ
И ЛЕГИТИМАЦИЯ**

**22.00.04 – социальная структура,
социальные институты и процессы**

**АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата социологических наук**

Ростов-на-Дону
2010

Работа выполнена в Южном федеральном университете

**Научный
руководитель:** доктор философских наук, профессор
Лубский Анатолий Владимирович

**Официальные
оппоненты:** доктор социологических наук, профессор
Щербакова Лидия Ильинична

кандидат социологических наук, доцент
Бедрик Андрей Владимирович

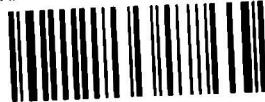
**Ведущая
организация:** Адыгейский республиканский институт
гуманитарных исследований
им. Т. Керашева

Защита состоится « 3 » сентября 2010 года в 10.00 на заседании диссертационного совета Д 212.208.01 по философским и социологическим наукам Южного федерального университета (344006, г. Ростов н/Д, ул. Пушкинская, 160, ИППК ЮФУ, ауд. 34).

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке Южного федерального университета (344006, г. Ростов н/Д, ул. Пушкинская, 148).

Автореферат разослан «29» июля 2010

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КГУ

0000727810

Ученый секретарь
диссертационного совета

М.Б. Маринов

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. В развитии современного мира можно выделить две тенденции. Одна из них связана с глобализацией, которая в контексте формирования единого экономического и информационного пространства сопровождается политической и ценностной универсализацией. Другая – с локализацией, которая в полиэтнических регионах выражается прежде всего в интеграции этнических сообществ, стремящихся сохранить уникальные основы своего социального бытия, и в стремлении их к политической автаркии.

Усиление процессов локализации и интеграции этнических сообществ в региональных полиэтнических социумах привело к актуализации такого особого «лика власти», как этнократия, при которой происходит целенаправленное «выпячивание» интересов и прав доминирующего этноса в ущерб интересам и правам других этнических групп, а также интересам и правам личности, которые не могут быть зависимы от ее этнической и религиозной принадлежности. Проявления этнократии, как подчеркивает один из известных российских социологов Ж.Т. Тощенко, различны: «от упакованного в демократические одежды националистически ориентированного управления в странах Балтии, которое не отменяет факта обостренных взаимоотношений разных народов в них (в ряде научных трудов это названо национальным спазмом), до открытых форм давления на нетитульные этносы в ряде республик Средней Азии и Закавказья. Эти лики многообразны и многоплановы, в большинстве случаев не явны, что не меняет их сути»¹.

После распада СССР в Российской Федерации также наблюдались процессы локализации, которые сопровождались формированием региональных этнократий. Возникновение этих этнократий было следствием прежде всего деятельности региональных этнических элит в условиях регионализации России. Эти элиты, используя кризисное состояние региональных полиэтнических сообществ, целеустремленно, применяя различные средства, так или

¹ Тощенко Ж. Этнократия // Татарский мир. 2004. № 17. URL: www.tatmir.ru/article.shtml?article=619§ion=0&heading=0.

иначе связанные с символическим капиталом власти, создавали благоприятную почву для зарождения этнократических процессов в регионах.

В 90-х гг. прошлого века региональные этнократии стали формироваться и на Северном Кавказе, который является одним из самых полиэтничных и многоконфессиональных регионов мира. Формирование этнократий на Северном Кавказе происходило в условиях такого явления, как «взрыв этничности», сопровождавшегося усилением этнополитической напряженности в регионе. Добившись контроля над значительными экономическими, социальными и иными статусными ресурсами, региональные этнократии на Северном Кавказе превратились в субъекты с обширными властными полномочиями, позволяющими им расширить поле своего экономического, политического и духовного влияния в регионе.

Формирование региональных этнократий на Северном Кавказе имело, с одной стороны, стабилизирующее значение, поскольку в определенной степени их представителям удалось отгеснить крайних националистов и на этой основе заключить своеобразный социально-политический контракт с федеральной властью. С другой стороны, развитие этнократических тенденций в регионе сопровождалось достаточно свободным законотворчеством и установлением неформальных правил игры, этнизацией различных сфер жизни региональных социумов, дискриминацией других этнических групп, стремлением к переделу территорий, расширением этнополитических и межэтнических конфликтов.

Изучению региональных этнократий в современном мире и в России уже посвящена довольно значительная научная литература, прежде всего политологического характера². Однако современные проявления региональных этнократий, в том числе и на Северном Кавказе, оказались настолько своеобразными, что требуют всестороннего их изучения в рамках различных научных дисциплин, в том числе и социологии. В связи с этим социологическое изучение этнократий на Северном Кавказе имеет как научную, так и социальную значимость, связанную с пониманием социальных практик этнократий в регионе. Этим обуслов-

² *Судакова Н.Н.* Политологический анализ феномена этнократия в зарубежной и отечественной науке // Нижегородский журнал международных исследований. Осень – зима 2008. Н.-Новгород, 2008

ливается актуальность темы данного диссертационного исследования.

Степень научной разработанности темы. Этнократии на Северном Кавказе становятся предметом научных исследований начиная с середины 90-х гг. XX в. При этом в центре внимания исследователей оказались такие вопросы, как понятие этнократии и ее отличительные признаки (В.А. Авксентьев, А.А. Баранец, В. В. Гущин, М.А. Куриленко, А.В. Лубский, А.В. Понеделков, Э.А. Попов, И.М. Сампиев, А.М. Старостин, Н.Н. Судакова, Ж.Т. Тощенко, В.Ф. Халипов, О.М. Цветков); типология этнократий (В. Н. Авдеев, М.А. Куриленко, А.В. Лубский, И.М. Сампиев, Ж.Т. Тощенко); формирование этнократических элит (А.И. Новиченко); легитимация этнократий (А.В. Лубский, Н.М. Омаров); процессы этнизации на Северном Кавказе, участие этнократических элит во власти (Е.В. Гаркуша, А.В. Понеделков, А.М. Старостин).

В современной научной литературе в изучении этнократий доминирует кратологический подход, в рамках которого этнократия рассматривается как одна из форм политической власти. Изучению этнократии в этом ракурсе уже посвящена довольно значительная литература, обстоятельный анализ которой дан в монографии Ж.Т. Тощенко³. При этом исследователи выделяют прежде всего такие признаки региональных этнократий, как примат этнических интересов; приоритет прав этноса по отношению к правами личности; этнизация различных сфер жизни регионального сообщества; поддержание межэтнической напряженности, конфликтогенности, ксенофобии, являющихся «питательной средой» для роста этнократических тенденций и легитимных этнократических социальных практик (В.А. Авксентьев, А.В. Лубский, Ж.Т. Тощенко, О.М. Цветков)⁴.

Некоторые исследователи, изучающие этнократии на Северном Кавказе, рассматривают их как особые политические режимы, отличающиеся клановостью и авторитарностью (Э.А. Попов, М.А.

³ Тощенко Ж.Т. Этнократия: история и современность. Социологические очерки. М., 2003. (Глава 3. Этнократия: определение сущности).

⁴ Авксентьев В.А. Этнополитическая идентичность в России как фактор конфликтности // Вестник СевКавГТУ. Серия «Гуманитарные науки». 2004. №1 (11). URL: <http://www.ncstu.ru>; Лубский А.В. Лики этнократии // Этноэтноатизм и этнократии на Юге России / Отв. ред. В.В. Черноус. Ростов н/Д: Изд-во СКНЦ ВШ, 2006; Тощенко Ж.Т. Этнократия // Татарский мир. 2004. № 17; Цветков О.М. Этнократия как отражение постсоветских социальных отношений // Этноэтноатизм и этнократии на Юге России.

Куриленко)⁵. К отличительным признакам региональных этнократий они относят следующие: отчуждение власти от общества; преференции, оказываемые «титulyным» этносам в регионе; монополизацию властных и иных ресурсов узкой этно-социальной группой (условно называемой кланом) внутри «титulyного» этноса; высокий уровень коррупции.

В рамках социологического подхода к изучению этнократий она трактуется по-разному. Так, В.В. Гушин, рассматривая этнократию в качестве особого социального слоя и выделяя ее отличительные признаки, отмечает, что этнократия, во-первых, представляет интересы не всего, а лишь части титульного этноса; во-вторых, стремится к созданию этнически «чистых» государств, т.е. при решении национального вопроса представители властной элиты принимают такие законы и опираются на такую идеологию, реализация которых возможна лишь при осуществлении насилия или геноцида⁶. Другие исследователи в рамках социологического подхода под этнократией подразумевают определенную социальную группу. В частности, А.В. Понеделков и А.М. Старостин отмечают, что «к этнократии относятся родоплеменные (тейповые), или национально-земляческие группы, занявшие место во властных элитах и лоббирующие интересы своего этноса (или его части) в системе властных и экономических отношений». И.М. Сампиев под этнократией понимает социальную группу, составляющую меньшинство этноса, отличительными признаками которой являются, во-первых, наличие политической власти, а во-вторых, руководство этническими ценностями и интересами⁷.

В современной научной литературе существуют разные типологии этнократий. Так, А.В. Лубский в рамках политологического подхода (с точки зрения «кто правит?» и «как правит?») выделяет четыре типа этнократий: непосредственная идентитарная, непосредственная партиципационная, представительная элитарная, представительная

⁵ *Куриленко М.А.* Исламские государственно-правовые традиции в этнократических режимах в республиках на Северном Кавказе: Авторсф. дисс. ... на соиск. учен. степ. канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2008; Попов Э.А. Адыгя как зеркало российской этно-кратии // Интернет-журнал «Новая политика». URL: <http://www.novopol.ru/article2436.html>.

⁶ *Гушин В.В.* Этнократия на изломе? URL: http://www.zapchel.lv/?lang=ru&mode=opinion&submode=&page_id=3451&comment=1.

⁷ *Понеделков А.В., Старостин А.М.* Асимметрия возможностей этнократических и областных элит // *Обозреватель*. 2002. № 9–10 (152–153); *Сампиев И.М.* Экспертное интервью // Этнократия на Юге России в экспертном измерении / Отв. ред. Ю.Г. Волков. Ростов н/Д: Изд-во СКНЦ ВШ ЮФУ, 2007. С. 175.

конкурентная. Ж.Т. Тощенко, выделяя открытые и скрытые типы этнократий, говорит о необходимости различать, с одной стороны, проявления этнократии, которые «обнаруживают себя открыто или явно», а с другой – такие этнократические проявления, которые олицетворяют собой скрытые, исподволь действующие и функционирующие⁸. Непосредственно на Северном Кавказе И.М. Сампиев, исходя из степени «этнократизма», выделяет такие типы этнократий, как кланократия с невыраженной этнической окраской; этноклановость властной элиты; умеренно этнократические режимы; этнократические режимы. Другие исследователи выделяют различные типы этнократий на Северном Кавказе, исходя из традиционной социальной структуры общества (тейпы, тухумы, джамааты) или конфессионального признака (В.Х. Акаев). По мнению В.Н. Авдеева, применительно к республикам Северного Кавказа характерен такой тип региональной этнократии, как «кастовая этнократия», представляющая собой идеальную модель любого традиционного общества. М.А. Куриленко, рассматривая исламские государственно-правовые традиции и степень влияния исламского фактора на формирование этнократических режимов на Северном Кавказе, в рамках политико-юридического подхода выделяет такие типы этнократии, как авторитарная, согласительная-пропорциональная этноклановая, умеренно-модернизированная⁹.

Рассматривая политическую деятельность этнократических элит на Юге России, А.И. Новиченко выделяет следующие факторы формирования этнократий в регионе: полиэтничный состав его населения; геополитическое положение и цивилизационные особенности; традиционный консерватизм политической жизни; влияние традиционных кратических структур на процесс элитогенеза; этнизация политической власти и ее монополизация различными клановыми группами¹⁰.

⁸ Лубский А.В. Национальный менталитет и легитимация этнократии (к методологии исследования) // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 1998. № 2. Тощенко Ж.Т. Этнократия: история и современность. Социологические очерки. М.: РОССПЭН, 2003. С. 145.

⁹ Сампиев И.М. Экспертное интервью // Этнократии на Юге России в экспертном измерении; Акаев В.Х. Экспертное интервью // Этнократии на Юге России в экспертном измерении; Авдеев В.Н. Кастовая этнократия // Метафизическая антропология. – М.: Белые альфы, 2002; Куриленко М.А. Исламские государственно-правовые традиции в этно-кратических режимах в республиках на Северном Кавказе.

¹⁰ Новиченко А.И. Политическая деятельность этнократических элит (тенденции, специфика формирования – на примере Юга России). Ростов н/Д: Изд-во СКАГС, 2010.

В современной научной литературе одним из дискуссионных является вопрос о способах легитимации региональных этнократий. Так, А.В. Лубский, рассматривая когнитивный и ценностный аспекты легитимации этнократий в республиках Северного Кавказа, выделяет такие ее способы, как социально-иррациональная легитимация (ментально-исторические представления об общности этнического происхождения) и социально-рациональная легитимация (успехи во взаимоотношениях с «чужими», длительность нахождения у власти того или иного клана, его освященность временем и традициями). О.М. Шевченко, рассматривая ксенофобию в качестве фактора социально-рациональной и социально-иррациональной легитимации этнократий на Северном Кавказе, выделяет два уровня использования ксенофобии для ее обоснования. Первый уровень составляет естественная ксенофобия как неосознанный «социальный рефлекс», на втором уровне происходит социально-рациональная легитимация на основе искусственной ксенофобии как идеологии этнической вражды. Особенности идеологической легитимации этнократий рассматриваются Н.М. Омаровым, по мнению которого идеология этноэтатизма, создания моноэтнического государства является важным средством легитимации «суверенных этнократий». В данном случае легитимация этнократий строится на апелляции ее сторонников к тому, что только такой политический режим способен консолидировать нацию, раздираемую кланово-региональными противоречиями. При этом в качестве инструмента национальной мобилизации избираются не принципы «гражданской» нации или «демократического национализма», объединяющие общество, а этнокультурные, порой фольклорные мотивы, составляющие иррациональные аспекты легитимации. Для этого в качестве символов-прародителей избираются исторические фигуры, призванные исполнить роль «опорных точек» для политической мобилизации населения¹¹.

Внимание исследователей привлекают также процессы этнизации политической сферы жизни на Северном Кавказе и участия этнократических элит во власти. В частности, В.Г. Шустов объясняет

¹¹ Лубский А.В. Этнократия на Юге России: методологические проблемы научного исследования // Этнократии на Юге России в экспертном измерении; Шевченко О.М. Ксе-нофобия как фактор легитимации этнократий // Этноэтатизм и этнократии на Юге России; Омаров Н.М. «Суверенная этнократия» и поиски национальной идентичности. URL: // www.apn.kz/publications/article6002.htm.

специфику данных процессов прежде всего полиэтничностью данного региона, а также доминирующей ролью субъективного компонента в процессе утверждения этнократий в республиках Северного Кавказа. Е.В. Гаркуша, рассматривая процессы этнизации и социальные механизмы формирования этнократий в республиках Северная Осетия-Алания и Ингушетия, обращает внимание на то, что с помощью этнизации политической власти этнократии оказывают значительное воздействие на элитообразующий процесс в регионах¹².

Обзор научной литературы, посвященной региональным этнократиям, в том числе и на Северном Кавказе, показывает, что существует целый ряд спорных вопросов, связанных с пониманием того, что такое этнократия, какие типы этнократий можно выделить, каковы характерные черты и особенности этнократий на Северном Кавказе. Кроме того, целый ряд аспектов, связанных с изучением этнократий на Северном Кавказе, еще не стал предметом специальных социологических исследований. Речь идет прежде всего о факторах формирования этнократий на Северном Кавказе и особенностях их институционализации и легитимации в регионе. Все это придает теме диссертационного исследования проблемный характер.

Цель диссертационного исследования – выявление факторов формирования этнократий на Северном Кавказе, особенностей их институционализации и легитимации.

Данная цель достигается посредством решения следующего класса исследовательских задач:

- определение основных теоретических проблем научного изучения этнократий на Северном Кавказе;
- разработка методологического конструкта социологического исследования региональных этнократий на Северном Кавказе;
- выявление факторов формирования этнократий на Северном Кавказе;
- установление особенностей институционализации региональных этнократий на Северном Кавказе;
- выявление символических ресурсов власти как основы легитимации региональных этнократий на Северном Кавказе;

¹² Шустов В.Г. Этнизация политической власти в полиэтничных регионах современной России: Дис... канд. полит. наук. Ростов н/Д, 2005. Гаркуша Е.В. Этнократические региональные элиты // Элитологические исследования. Ежегодник-2005 / Отв. ред. А.В. Понелков, А.М. Старостин. Ростов н/Д: Изд-во СКАГС, 2006.

– установление особенностей легитимации региональных этнократий на Северном Кавказе на основе этнических идеологий.

Объект исследования – этнократии на Северном Кавказе.

Предмет исследования – факторы формирования, институционализация и легитимация региональных этнократий на Северном Кавказе.

Теоретико-методологические основы исследования. Работа выполнена в рамках неоклассической метапарадигмы социологического исследования, базирующейся на синтезе принципов и установок классической и неклассической науки. При решении научно-исследовательских задач, связанных с выявлением внешних и внутренних факторов формирования этнократий на Северном Кавказе, использовались принципы и методы социального детерминизма, получившие теоретическое обоснование в классической социологии. При решении научно-исследовательских задач, связанных с изучением институционализации и легитимации этнократий на Северном Кавказе, использовались принципы и методы неклассической социологии.

Одним из эффективных способов изучения региональных этнократий является методология символического интеракционизма, теоретические принципы которого были разработаны Дж. Мидом и Г. Блумером, а затем развиты в феноменологической социологии А. Шюца и концепции социального конструирования П. Бергера и Т. Лукмана. При изучении региональных этнократий на Северном Кавказе в рамках методологии символического интеракционизма важное значение имеет теория символического капитала власти, в разработку которой большой вклад внес известный французский ученый П. Бурдьё.

В качестве методологической основы социологического изучения этнократий на Северном Кавказе выступали неоинституциональный подход Р. Кроуза и Д. Норта; реляционистский подход, в частности, кратологическая теория «обмена ресурсами» П. Блау, К. Хайнингса; реалистский подход, сочетающий принципы примордиализма и конструктивизма; теоретические представления А. Круассан и В. Меркель о формальных и неформальных институтах в обществе, а также представления Э. Острома, выделявшего в структуре формальных институтов позиционные и ограничитель-

ные принципы, правила сфер влияния, управления и агрегирования; теоретические представления Ж.Т. Тощенко о «ликах этнократии», а также теоретические представления А.В. Лубского о легитимации региональных этнократий когнитивного и нормативного порядка.

Основными методами диссертационного исследования являлись методы системного и структурно-функционального анализа, методы феноменологической социологии, а также методы социологической компаративистики и типологизации.

Эмпирическую базу диссертационного исследования составляли материалы следующих социологических исследований: 1) экспертный опрос «Этнократии на Северном Кавказе: механизмы формирования и пути трансформации в региональную элиту», выполненный в рамках гранта РГНФ (№ 07-03-00574а) в 2007 г. при непосредственном участии автора диссертационного исследования¹³; 2) социологическое исследование «Степень коррумпированности северокавказских республик», проведенного Антикоррупционным комитетом Северного Кавказа в республиках региона в 2006 г.¹⁴; 3) социологическое исследование «Коррупция и преступность в Республике Дагестан», проведенного ВЦИОМ в 2008 г.¹⁵; 4) социологическое исследование в Карачаево-Черкесской Республике, посвященное выявлению степени влияния клановых и клиентельных механизмов на формирование этнических элит в республике (2007 г.)¹⁶. Кроме того, эмпирическую базу диссертационного исследования составляли федеральные нормативно-правовые акты и нормативно-правовые акты республик Северного Кавказа; документы программного и идеологического содержания; статистические данные и материалы СМИ.

Комбинированное использование этих видов источников позволило получить достаточно репрезентативную эмпирическую информацию, необходимую для решения задач диссертационного исследования.

Научная новизна диссертационного исследования состоит в

¹³ Этнократии на Юге России в экспертном измерении / Отв.ред. Ю.Г. Волков. – Ростов н/Д: Изд-во СКНЦ ВШ ЮФУ, 2007.

¹⁴ URL: http://sadaev.ru/arkhiv/stepen_korruptirovannosti_severokavkazskih_respub-lik_.html.

¹⁵ URL: <http://wciom.ru/arkhiv/tematicheskii-arkhiv/item/single/10703.html?nocache=1&cHash=1d152c4320>.

¹⁶ *Губанов Л.С.* Этническая элита: специфика и особенности функционирования в условиях трансформации российского общества: на примерс Карачаево-Черкесской рес-публики: Диссертация на соиск. уч. степ. канд. социол. наук. Новочеркасск, 2007.

следующем:

- в рамках неоклассической парадигмы социологического исследования разработан новый методологический конструкт изучения этнократий на Северном Кавказе;

- разработана концепция формирования региональных этнократий на Северном Кавказе в контексте их институционализации и легитимации;

- выявлены внешние и внутренние факторы формирования этнократий на Северном Кавказе;

- определена роль формальных и неформальных институтов в процессе формирования этнократий на Северном Кавказе, на основе чего было выделено два типа региональных этнократий: формально-институциональные, доминирующие в республиках Адыгея, Северная Осетия-Алания; неформально-институциональные, доминирующие в республиках Дагестан, Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия, Чечня, Ингушетия;

- выявлены особенности легитимации различных типов региональных этнократий на Северном Кавказе на основе символических ресурсов, связанные с символическим капиталом власти;

- установлено, что при легитимации региональных этнократий на основе этнических идеологий используются такие ее типы, как этноцентризм и этноэтатизм; при этом на основе этноцентристской идеологии осуществляется легитимация формально-институциональных этнократий в Адыгее и Северной Осетии-Алании, а на основе этноэтатистской идеологии – легитимация неформально-институциональных этнократий в Дагестане, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии, Чечне и Ингушетии.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. В изучении этнократий в республиках Северного Кавказа можно выделить два этапа: 1) вторая половина 90-х гг. XX в.; 2) начало XXI в. Интерес к изучению этнократий на первом этапе был во многом обусловлен процессами регионализации, а также децентрализации власти и управления в Российской Федерации. На этом этапе сложилось представление об этнократии как форме политической власти, для которой характерно доминирование представителей титульного этноса на государственных должностях, стремящихся к реализации этнополитических целей путем создания привилегий для

своей этнической группы. Интерес к изучению этнократий на Северном Кавказе на втором этапе во многом был обусловлен процессами централизации и укрепления вертикали государственной власти в Российской Федерации, т.е. условиями, в которых региональные этнократии стали препятствием на пути укрепления властной вертикали. В целом в изучении этнократий на Северном Кавказе в настоящее время доминирует политологический подход, вследствие чего этнократия рассматривается как форма политической власти или политического режима. В научной литературе остаются дискуссионными такие вопросы, как понятие этнократии, типы, характерные признаки и особенности региональных этнократий на Северном Кавказе. Региональные этнократии на Северном Кавказе еще не стали предметом специальных социологических исследований, прежде всего в плане факторов их формирования, институционализации и легитимации.

2. Социологическое изучение этнократий на Северном Кавказе предполагает предварительную разработку его многомерного методологического конструкта. Такой конструкт был разработан в рамках неоклассической метапарадигмы социологического исследования, базирующейся на синтезе принципов и установок классической и неклассической науки. В рамках данного методологического конструкта региональные этнократии на Северном Кавказе рассматриваются как активные сильноресурсные субъекты политико-властных отношений, представляющие собой большие социальные группы, имеющие доступ к распределению «дефицитных» социальных ресурсов и абсолютизирующие интересы «титупьной» этнической общности в ущерб интересам других этнических групп. В структуру этнократий как больших социальных групп входит не только этнократическая региональная элита, но и та часть «титупьной» этнической общности, которая поддерживает этнократические устремления этой элиты. Основные социальные функции региональных этнократий состоят в следующем: артикуляция этнических интересов и ценностей; этническая мобилизация; защита этнических интересов и ценностей; подавление интересов других этнических групп и игнорирование «чужих» этнических ценностей. Институционализация этнократий на Северном Кавказе рассматривается как процесс установления формальных и неформальных норм взаимодействия сильноресурс-

ных этнических субъектов во властных отношениях, а также форм и способов контроля за соблюдением этих норм, а легитимация – как процесс смысловой объективации этого взаимодействия, которая имеет два аспекта: когнитивный и нормативный. Легитимация, во-первых, «объясняет» институциональный порядок этнократических отношений, придавая им когнитивную обоснованность, во-вторых, – «оправдывает» этот порядок, придавая нормативный характер его практическим императивам. Поэтому легитимация этнократий – это не только вопрос ценностей, но и знаний.

3. Формирование этнократий на Северном Кавказе происходило под влиянием следующих внешних и внутренних факторов: распад СССР и формирование новой российской государственности; социальная трансформация российского общества; адаптация народов Северного Кавказа к социальным трансформациям в условиях регионализации российского общества; социальные и правовые традиции становления властных отношений на Северном Кавказе и наследие советского нациестроительства в регионе; всплеск «этничности», «периферийного национализма», усиление этнополитической напряженности на Северном Кавказе; «этнизация» различных сфер жизни общества и политическая активизация этнических кланов; формирование в республиках Северного Кавказа нормативно-правовой базы, предполагавшей особые преимущества представителям «титულных» народов.

4. Институционализация этнократий на Северном Кавказе в 90-х гг. прошлого века представляла собой процесс установления, с одной стороны, таких формальных норм этнократического взаимодействия, которые были направлены на обеспечение в законодательном порядке всевозможных льгот и привилегий для представителей титульного этноса (позиционные, ограничительные правила, правила сфер влияния, управления и агрегирования). С другой стороны, институционализация региональных этнократий представляла собой процесс установления таких неформальных норм, которые включали в себя модели кланового и (или) коррупционного поведения. К числу первых можно отнести: стремление к монополизации власти и собственности, принцип старшинства, разделение «патроном» своих полномочий и привилегий среди «клиентов», выполнение обязательств по отношению к «клиентам», обеспечение фактической

неуязвимости членов клана, поддержание тождества интересов членов клана, циркуляция элиты исключительно по линиям кровного родства в рамках клана, поддержание «теневого» этнического паритета, скрытый процесс подготовки и принятия решений, рассмотрение действующего законодательства как инструмента по достижению политического доминирования. К числу вторых – соглашения с представителями вышестоящих администраций, силовых структур, избирательных комиссий; получение денежных средств незаконным путем, «теневых» источников дохода. Выявление роли формальных и неформальных институтов в процессе формирования этнократий на Северном Кавказе позволило выделить два их региональных типа: 1) региональные этнократии формально-институционального типа, доминирующие в республиках Адыгея и Северная Осетия–Алания; 2) региональные этнократии неформально-институционального типа, доминирующие в республиках Дагестан, Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия, Чечня, Ингушетия.

5. Одним из основных способов легитимации региональных этнократий на Северном Кавказе была легитимация на основе символических ресурсов власти. При этом можно выделить два вида такой легитимации: социально-иррациональную и социально-рациональную. Для неформально-институциональных этнократий была характерна социально-иррациональная легитимация, а символические ресурсы власти были призваны легитимировать структуру родства, а через нее и данный тип региональной этнократии. Поэтому для неформально-институциональных этнократий на Северном Кавказе было характерно использование прежде всего харизматической легитимации, а также таких маркеров символично-этнического характера, как «единая семья», «родная земля», «родная речь», «правверные» и «иноверцы». Для формально-институциональных этнократий на Северном Кавказе была характерна социально-рациональная легитимация, которая осуществлялась на основе таких символических ресурсов власти, как поддержка кандидатуры федеральным центром, создание положительного имиджа через СМИ, обеспечение поддержки местных религиозных, общественно-политических авторитетов, процедура выборов.

6. Другим основным способом легитимации региональных этнократий на Северном Кавказе была легитимация с помощью таких эт-

нических идеологий, как этноцентризм и этноэтатизм. Легитимация на основе этноцентристской идеологии в большей степени присуща формально-институциональным этнократиям. При этом использовались следующие стратегии конструирования социальной реальности: сотрудничество или этнизация ключевых сфер жизнедеятельности регионального сообщества («проект будущего»); формирование мифологизированного образа прошлого с целью обеспечения представителям «титульного» этноса преимущественного доступа к ресурсам, контроля над территорией и ее природными богатствами («ретроспекция прошлого»). Легитимация этнократий на Северном Кавказе на основе этноэтатистской идеологии свойственна прежде всего неформально-институциональным этнократиям. При этом используются такие стратегии конструирования социальной реальности, как формирование «этнической государственности» («проект будущего»); создание исторического (или псевдоисторического) прецедента, связанного с претензиями этноса на самостоятельную государственность и мобилизацией этнического сообщества для достижения этой цели («ретроспекция прошлого»).

Научно-теоретическая и практическая значимость диссертационного исследования обусловлена необходимостью научного понимания этнократических практик на Северном Кавказе. Концептуальные результаты диссертационного исследования, с одной стороны, закладывают теоретические основы для такого понимания, а с другой стороны, могут быть использованы в качестве методологической основы для сравнительного социологического изучения региональных этнократий в России. Отдельные положения и выводы диссертационного исследования могут быть использованы при формировании и реализации региональной политики в условиях трансформации российского общества.

Материалы диссертации могут быть использованы при подготовке научных работ, а также учебных пособий и учебных курсов по социологическим и политическим наукам.

Апробация. Диссертационное исследование обсуждалось на кафедре социологии, политологии и права Института по переподготовке и повышению квалификации преподавателей гуманитарных и социальных наук Южного федерального университета. Основные результаты диссертационного исследования были апробированы при

выполнении Гранта РГНФ «Этнократии на Северном Кавказе: механизмы формирования и пути трансформации в региональную элиту» (2007 г., в соавторстве), в ходе участия в международной конференции «Роль идеологии в трансформационных процессах в России: общенациональный и региональный аспекты» (2006 г.), конкурсе научных работ молодых ученых по кавказоведению и регионоведению Юга России им. Ю.А. Жданова (2007 г.), ежегодных конференциях аспирантов и молодых ученых «Путь в науку: молодые ученые об актуальных проблемах социальных и гуманитарных наук» (2007–2010 гг.), а также при получении гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых по проекту «Этногенез в локальных сообществах: неоинституциональный анализ» (2010 г., в соавторстве).

Материалы диссертационного исследования отражены в 6 публикациях общим объемом 4,1 п.л., из них в изданиях перечня ВАК 1 статья объемом 0,6 п.л.

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, трех глав, включающих 6 параграфов, заключения и списка литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается актуальность темы исследования, рассматривается степень ее разработанности в современной литературе, определяются цель, задачи, объект, предмет исследования, излагаются теоретико-методологические основы, научно-теоретическая и практическая значимость, а также научная новизна исследования, формулируются основные положения, выносимые на защиту.

Глава 1 «Этнократии на Северном Кавказе: теоретические и методологические проблемы социологического исследования» состоит из двух параграфов. В данной главе рассматриваются основные теоретико-методологические проблемы социологического исследования этнократий на Северном Кавказе, а также разрабатывается концепция социологического исследования этнократий республик Северного Кавказа в контексте их институционализации и легитимации.

В параграфе 1.1 «Этнократии на Северном Кавказе как предмет научных исследований» выделяются два этапа в изучении этнократий на Северном Кавказе, раскрываются основные методологические подходы к исследованию региональных этнократий на Северном Кавказе и теоретические вопросы, получившие освещение в научной литературе на каждом из этапов.

Исследование региональных этнократий на первом этапе (вторая половина 90-х гг. XX в.) в значительной степени было связано с происходившими в стране процессами регионализации, сопровождавшимися децентрализацией власти и управления. Первоначально на данном этапе понятие «этнократия» применительно к Северному Кавказу стало широко использоваться в публицистических изданиях (В.Лафитский, И. Ротарь, В.М. Юровицкий), где сложилось представление об этнократии как форме политической власти, для которой характерно доминирование представителей титульной национальности на государственных постах; стремление данных представителей к реализации националистических целей и созданию привилегий для титульного этноса. При этом в данных изданиях подчеркивается, что в рамках процессов сепаратизма и суверенизации этнократия является источником конфликтов.

Вместе с тем в научной литературе получают освещение вопросы, связанные с изучением влияния этнократических процессов на постсоветском пространстве на этнократические тенденции на Северном Кавказе (Р.Г. Абдулатипов, Х.В. Дзуцев, А.В. Дмитриев, Л.М. Дробижева, А.Г. Здравомыслов, В.Н. Иванов, В.А. Тишков, В. Филиппов, М.В. Юрченко). Исследователями отмечается, что этнократические тенденции в республиках Северного Кавказа были обусловлены теми этнократическими процессами, которые происходили в России в целом, прежде всего в национальных республиках. Данные тенденции были связаны с процессом формирующегося российского федерализма. При этом этнократические тенденции, господство этноэлит в экономической и национальной сферах на Северном Кавказе нередко осложняли поиск рациональных путей развития и функционирования данного процесса. Вместе с тем учеными обращалось внимание на специфику этнократических режимов на Северном Кавказе, которая состояла в том, что они были основаны на пренебрежении интересами «нетитульных» народов, а идея суверенитета послужила для отдельных политиков средством укрепления во власти собственных позиций.

Особое внимание в научной литературе уделялось изучению практики этнократических по своему характеру проявлений политики некоторых властвующих региональных элит (А.К. Магомедов, М.О. Мнацаканян, А.В. Понеделков, А.М. Старостин, Л.Л. Хоперская). В частности, достаточно широкое освещение в научных публикациях получили события в Чеченской Республике, которые рассматривались с точки зрения этнизации и архаизации чеченского общества и системы власти на основе традиционных представлений.

В конце 90-х гг. в научной литературе с политологической точки зрения впервые была приведена типология этнократии, в том числе на Северном Кавказе (А.В. Лубский). Также впервые была поставлена проблема национального менталитета и легитимации этнократии на Северном Кавказе.

Изучение региональных этнократий на Северном Кавказе на втором этапе во многом было обусловлено процессами централизации, укреплением вертикали власти. В связи с этим была введена система федеральных округов, институт полномочного представи-

теля Президента в РФ, основная функция которого заключалась в создании единого нормативно-правового пространства в России, т.е. приведение законодательства субъектов федерации в соответствие с федеральным, в том числе и в той части, которая способствовала развитию этнократических тенденций на Северном Кавказе.

Публицистический интерес к этнократии на Северном Кавказе сменяется научным. Этнократии республик Северного Кавказа становятся предметом изучения различных наук и прежде всего политологических, в рамках которых проводились исследования с широким использованием социологических методов. В связи с этим значительно расширяется источниковая база научных исследований. Наряду с публицистикой начинают изучаться источники нормативного содержания, статистика.

Предпринимаются первые попытки давать разные определения этнократии на Северном Кавказе. Одни исследователи (В.А. Авксентьев, А.А. Баранец, А.В. Лубский, А.И. Новиченко, Н.Н. Судакова, Ж.Т. Тощенко, В.Ф. Халипов, О.М. Цветков) в русле кратологического подхода определяют этнократию как форму политической власти. Ряд исследователей с юридической точки зрения понимают под этнократией особый политический режим (А.С. Панарин, Э.А. Попов, М.А. Куриленко). Другие с позиций социологического подхода рассматривают этнократию не как форму политической власти, а как особый социальный слой (В. Гушин) или группу лиц (А.В. Понеделков и А.М. Старостин, И.М. Сампиев).

В научных исследованиях приводятся разные типологии этнократий на Северном Кавказе. В русле политологического подхода с точки зрения «кто правит?» и «как правит?» выделяются четыре типа этнократии: непосредственная идентитарная, непосредственная партиципационная, представительная элитарная, представительная конкурентная (А.В. Лубский). Ж.Т. Тощенко говорит о необходимости различать, с одной стороны, проявления этнократии, которые «обнаруживают себя открыто или явно», и такие этнократические проявления, которые олицетворяют собой скрытые, исподволь действующие и функционирующие. Для традиционных обществ Северного Кавказа, по мнению В.Авдеева, наиболее приемлемым является такой тип региональной этнократии, как «кастовая этнократия». В рамках юридического подхода с точки зрения влияния исламского

фактора на формирование этнократических режимов М.А. Куриленко различает авторитарный, согласительно-пропорциональный этноклановый, умеренно-модернизированный типы этнократий на Северном Кавказе. И.М. Сампиев приводит типы северокавказских этнократий, различающиеся по степени этнократизма: кланократия с невыраженной этнической окраской; этноклановость властной элиты; умеренно этнократические режимы; этнократические режимы. Выделяют также разные формы этнократий на Северном Кавказе, исходя из традиционной социальной структуры общества или конфессионального признака (В.Х. Акаев).

Вопрос о способах легитимации этнократий является также дискуссионным в современной литературе (А.В. Лубский, Н.М. Омаров). В частности, А.В. Лубский рассматривает когнитивный и ценностный аспекты легитимации этнократий на Северном Кавказе и выделяет следующие способы легитимации: ментально-исторические представления об общности этнического происхождения (иррациональная легитимация); успехи во взаимоотношениях с «чужими», длительность нахождения у власти того или иного клана, его освященность временем и традициями (социально-рациональная легитимация). Н.М. Омаров в качестве способа идеологической легитимации этнократий на Северном Кавказе рассматривает идеологию этноэтатизма.

В современной отечественной литературе также получают освещение вопросы, связанные с механизмами и формами взаимодействия этнократий на Северном Кавказе в системе властных отношений (Е.В. Гаркуша, А.В. Понеделков, А.М. Старостин). В связи с аннулированием юридических основ этнизации региональной власти в начале XXI в. и фактическом сохранении данного явления в органах государственной власти республик Северного Кавказа, исследователями значительное внимание уделяется анализу процессов «теневого» этнического паритета во власти на Северном Кавказе, а также механизмам формирования этнократических элит в республиках.

Таким образом, вопросы, связанные с изучением этнократий на Северном Кавказе на втором этапе, находились в центре внимания представителей политических и юридических наук. Гораздо в меньшей степени в научной литературе предлагаются социологи-

ческие подходы к изучению этнократий на Северном Кавказе. Поэтому первую группу исследователей этнократия интересовала как форма политической власти и политического режима, вторых – как социального слоя и группы лиц. Между тем нормативная сторона функционирования политического режима этнократий на Северном Кавказе не стала предметом собственно социологического исследования.

Параграф 1.2 «Методологический конструкт социологического изучения этнократий на Северном Кавказе» посвящен разработке концепции социологического изучения северокавказских этнократий в контексте их институционализации и легитимации, а также выделению типов этнократий на Северном Кавказе. В рамках неоклассической метапарадигмы исследования этнократии на Северном Кавказе представляют собой активные сильноресурсные субъекты политико-властных отношений, представляющие собой большие социальные группы, которые, имея доступ к распределению «дефицитных» социальных ресурсов, абсолютизируют интересы «титულიной» этнической общности в ущерб интересам других этносов.

В структуру этнократий как больших социальных групп входит не только этнократическая региональная элита, как считают некоторые исследователи, но и та часть «титულიной» этнической общности, которая поддерживает этнократические устремления этнической элиты. К основным социальным функциям этнократий на Северном Кавказе можно отнести артикуляцию этнических интересов и ценностей; этническую мобилизацию; функцию защиты этнических интересов и ценностей; функцию подавления интересов других этнических групп и игнорирование «чужих» этнических ценностей.

В связи с тем, что, как уже отмечалось в литературе, этнократии на Северном Кавказе, с одной стороны, формировались под воздействием процессов, происходящих в российском обществе в целом, а с другой – имели свою специфику, то необходимо рассматривать внешние и внутренние факторы формирования этнократий на Северном Кавказе. Формирование этнократий как сильноресурсных субъектов политической власти на Северном Кавказе представляло собой процесс, с одной стороны, институционализации, а с другой – легитимации.

Институционализация этнократий – это процесс установления формальных и неформальных норм взаимодействия сильноресурсных субъектов в политико-властных отношениях, а также форм и способов контроля за соблюдением этих норм. Формальными институтами являются нормы государственного управления, законы, конституции. Неформальные институты включают традиции, обычаи, моральные ценности, нормы поведения, условности, соглашения, внутренние принципы.

Одним из эффективных подходов к изучению институционализации этнократий на Северном Кавказе является неоинституциональный подход Р. Кроуза и Д. Норта, поскольку он позволяет изучать не только сложившиеся институты, но и складывание новых институтов на основе старых. Неоинституциональный подход исходит из того, что социальные институты постоянно подвержены изменениям и представляют собой набор формальных правил, неформальных ограничений и механизмов их принудительного осуществления. При этом формальные правила достаточно просто могут быть изменены социальными агентами, а неформальные ограничения изменяются очень медленно. Иницилирующие новые нормы, правила и практики социальные агенты являются сильноресурсными субъектами. При этом, чем выше экономический, политический, социальный и символический ресурсы данных агентов, тем более вероятна возможность навязывания новых норм относительно слабонересурсным.

Институционализация этнократий предполагает формирование таких социальных норм и практик, которые признаются не только самими субъектами политической власти, но и большинством представителей этнической общности. Только в этом случае можно говорить о легитимных основаниях деятельности этнократий.

Легитимация этнократий на Северном Кавказе предполагает процесс ее «оправдания», «объяснения» и «признания». Легитимация этнократий на Северном Кавказе может осуществляться двумя способами: на основе символических ресурсов и на основе этнической идеологии. Социологическое изучение конкретных способов легитимации этнократий на Северном Кавказе позволяет выявить их специфику.

При изучении процесса легитимации этнократий на Северном Кавказе целесообразно использовать принципы реалистского под-

хода, который получил развитие в рамках неоклассической модели исследования. При изучении разных типов этнократий на Северном Кавказе данный подход предполагает использование принципов примордиалистского и конструктивистского подходов. Реализация данных подходов в исследовательской практике позволяет привести типологию этнократий на Северном Кавказе.

В современной литературе выделяют различные типы этнократий. Критериями для такого выделения являются следующие: характер субъектов политической власти; форма осуществления властных полномочий; степень открытости («явности») этнократических проявлений; роль исламского фактора в формировании этнократических режимов; степень этнократизма; клановая и конфессиональная принадлежность. В основе данных типологий лежит кратологический подход, в русле которого под этнократией понимается форма политической власти или политический режим.

В рамках социологического подхода конструктивистский подход позволяет выделить такой тип сильноресурсных субъектов политической власти, как формально-институциональные этнократии. Примордиалистский подход дает возможность выделить неформально-институциональные этнократии на Северном Кавказе, т.е. сильноресурсные субъекты, базирующиеся на неформальных ресурсах. Общими основаниями для такого выделения типов этнократий являются следующие: обладание «дефицитными» ресурсами, абсолютизация этногрупповых интересов, высокая степень самостоятельности в процессе принятия политических решений. Основания, позволяющие различать данные типы, включают в себя характер этнократической идентичности, соотношение формальных и неформальных институтов и степень легальности этнократической деятельности, способы легитимации и степень легитимности этнократической деятельности.

Глава 2 «Формирование этнократий как сильноресурсных субъектов политической власти в конце XX в. – начале XXI в.» состоит из двух параграфов. В данной главе рассматриваются внешние и внутренние факторы формирования этнократий на Северном Кавказе как сильноресурсных субъектов политической власти в конце XX в. – начале XXI в., а также выявляются особенности их институционализации.

В параграфе 2.1 «Факторы формирования этнократий на Северном Кавказе» отмечается, что формирование этнократий на Северном Кавказе в конце XX в. проходило под воздействием таких внешних и внутренних факторов, как распад СССР и формирование новой российской государственности; социальная трансформация российского общества; адаптация народов Северного Кавказа к социальным трансформациям в условиях регионализации российского общества; социальные и правовые традиции становления властных отношений на Северном Кавказе и «наследие» советского национализма в регионе; всплеск «этничности», «периферийного национализма», усиление этнополитической напряженности на Северном Кавказе; «этнизация» различных сфер жизни общества и политическая активизация этнических кланов; формирование в республиках Северного Кавказа нормативно-правовой базы, предполагавшей особые преимущества представителям «титульных» народов.

Этнократии на Северном Кавказе имеют исторические корни, базируются на социальных и правовых традициях становления властных отношений, обычном праве северокавказских народов и традиционных институтах самоуправления. В силу сложившихся традиций в регионе на неформальном уровне вокруг этнического основания эффективно функционируют клановые и клиентелистские отношения, которые хорошо корреспондируются с необходимыми элементами культур этнических меньшинств. Возникшие в догосударственный период на Северном Кавказе нормы обычного права и в настоящее время являются одним из неформальных регуляторов политико-властных отношений и предусматривают обязательность исполнения на основании традиции или авторитета; действие по аналогии во всех однородных случаях; повелительно-предоставительный характер (требование обязанностей предусматривает предоставление прав); устойчивость. Традиционные институты самоуправления, детерминирующие типы социальных отношений северокавказского общества (тейпы, тухумы, джамааты) представляют собой видимые и осязаемые связи, которые возвышаются и существуют независимо от политических режимов, доктрин власти, курсов правительств, партогенеза и партийного строительства. Джамааты, аульные и ущельные общества, не будучи представленными в структуре власти, оказывают значительное скрытое влияние на систему политико-властных отношений. Этнократические

лидеры нередко опираются на неформальную поддержку тех джамаатов и аулов, где сосредоточены их родственники и связанная с ними клиентела. Сходную роль в формировании северокавказских этнократий играют тухумные и тейповые связи, также коррелирующие с отдельными поселениями и группами.

В результате политики нациестроительства 1920-х – 1930-х гг. были созданы этнические элиты, заявившие о своем праве на власть в условиях кризиса советской государственности. Возникает феномен «титულных» и «нетитулных» народов, обнаруживший предпосылки становления исключительного социально-политического статуса этнократий. В национальных автономиях Северного Кавказа формируется обширный слой гуманитарной интеллигенции, преследующий цель выражение национального самосознания с акцентуацией проблемы национальной государственности. Возникает этноэкономическая стратификация по принципу предоставления преимуществ титульным этническим группам. Таким образом, этнократии на Северном Кавказе являются порождением провозглашенного принципа национально-территориального самоопределения народов и попытки национально-государственного строительства в советской федерации, а также результатом бюрократизации самого явления этничности в социальных и политических процессах.

После распада СССР в условиях формирования новой российской государственности политика федерализации центральных властей в 90-х гг. XX в. проводилась на основе признания различий в статусе территорий – политики выделения особого статуса автономных республик в составе России, в частности республик Северного Кавказа. В результате республиканские элиты получили право самостоятельного принятия законов и регулирования регионального законодательства, определения модели разделения властей, избрания своих президентов, формирования в высших законодательных органах собственного правительства, преимущество в правах на представительство.

В параграфе 2.2 «Институционализация этнократий на Северном Кавказе» рассматриваются особенности процесса институционализации этнократий на Северном Кавказе, а также виды формальных и неформальных институтов, регулирующих политико-властные отношения в республиках.

Становление нового институционального порядка в российском обществе 1990-х гг. было связано с трансформацией в значительной степени формальных институтов, в том числе и в республиках Северного Кавказа. С начала 1990-х годов наметился первый этап в развитии формальных институтов в республиках Северного Кавказа. На данном этапе отмечается создание правящими этнократическими элитами новой системы формальных институтов, направленных на обеспечение всевозможных льгот и привилегий для представителей коренного этноса. Вторым этапом в установлении формальных институтов этнократий в республиках Северного Кавказа был связан с началом процесса централизации в управлении в начале 2000-х гг., одним из результатов которого стало восстановление единого экономического и правового пространства, что положило конец своеобразию этнократий в рамках издания законов. На рассматриваемых этапах в республиках Северного Кавказа устанавливаются позиционные и ограничительные формальные правила, а также правила сфер влияния, управления и агрегирования.

Неформальные институты, заключенные в традициях, обычаях, соглашениях, разрабатываются непосредственно этнократическими субъектами на основе обычного права и клановых традиций, поэтому не требуют формальных закреплений. При этом, если функционирование формальных институтов гарантируется социальными субъектами, представленными в органах государственной власти посредством легитимного насилия, реализацию неформальных институтов обеспечивают заинтересованные в их функционировании субъекты. Но хотя содержание неформальных правил не поддается точному описанию и однозначно определить ту роль, которую играют эти правила, невозможно, они имеют большое значение. К неформальным институтам, регулирующим взаимодействие этнократий в системе властных отношений на Северном Кавказе, относятся модели кланового и (или) коррупционного поведения. В частности, можно выделить следующие модели кланового поведения: стремление к монополизации власти и собственности, принцип старшинства, разделение «патроном» своих полномочий и привилегий среди «клиентов», выполнение обязательств по отношению к «клиентам», обеспечение фактической неуязвимости членов клана, поддержание тождества интересов членов клана, циркуляцию элиты исключи-

тельно по линиям кровного родства в рамках клана, поддержание теневого этнического паритета, скрытый процесс подготовки и принятия решений, рассмотрение действующего законодательства как инструмента по достижению политического доминирования. К моделям коррупционного поведения можно отнести следующие: соглашения с представителями вышестоящих администраций, силовых структур, избирательных комиссий; получение денежных средств незаконным путем, теневых источников дохода. Отмеченные коррупционные практики характеризуются устойчивостью, многоуровневостью, системностью. Устойчивость коррупции в деятельности этнократий связана, с одной стороны, с тем, что этнократия на Северном Кавказе включена в общероссийскую коррупционную систему, с другой – обусловлена неформальной закреплённостью коррупции на региональном и местном уровнях.

По соотношению формальных и неформальных институтов в деятельности этнократий, а также степени легальности данной деятельности, необходимо различать формально-институциональные, доминирующие в республиках Адыгея, Северная Осетия-Алания, и неформально-институциональные этнократии, преобладающие в республиках Чечня, Ингушетия, Дагестан, Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия.

Наряду с формальными и неформальными институтами властных отношений, этнократиями создаются механизмы, которые позволяют контролировать их соблюдение. К механизмам контроля формальных институтов относятся одобрение или осуждение со стороны официальных органов власти и администрации. Механизмы контроля соблюдения неформальных институтов предполагают одобрение или осуждение со стороны родственнических, земляческих групп, общественного мнения, которое выражается через традиции, обычаи или СМИ.

Глава 3 «Легитимация этнократий на Северном Кавказе» содержит два параграфа и посвящена особенностям процесса легитимации этнократий на Северном Кавказе. В данной главе в качестве основных способов легитимации северокавказских этнократий рассматриваются символические ресурсы и этническая идеология.

В параграфе 3.1 «Символические ресурсы власти и легитимация этнократий на Северном Кавказе» отмечаются когнитивный и

ценностный аспекты легитимация этнократий на Северном Кавказе, выделяются способы легитимации неформально-институциональных и формально-институциональных этнократий на Северном Кавказе.

Признание институционального порядка, создаваемого этнократиями, определяется степенью легитимности власти этнократий. Легитимность этнократии – это обязательный признак, мера признания необходимости или оправданности обществом или этническим сообществом правомерности деятельности этнократии. Политическая власть этнократии измеряется, оценивается с точки зрения ее легитимности, но не поддается полной формализации. Поэтому легитимность – это субъективное выражение политического согласия между участниками властных отношений.

Степень легитимности власти этнократий определяется прежде всего оптимальным соотношением разнообразных ресурсов в решении конкретных задач в рамках определенных сфер влияния. При этом общество ожидает от этнократической элиты, чтобы использование данных ресурсов позволило бы улучшить жизнь каждого человека, что и является фактической легитимностью этнократий. В связи с этим степень легитимности северокавказских этнократий выражается в поддержке, солидарности или идентификации с режимом, устанавливаемым этнократиями.

Символические ресурсы предполагают наличие преимуществ, которыми обладают этнократии для приписывания значений тем или иным объектам социальной реальности. Этнократические элиты, обладающие символическими преимуществами, трансформируют их в политическую власть с целью сконструировать желаемое политическое поведение. В формально-институциональных этнократиях легитимация носит социально-рациональный характер. Формально-институциональные этнократии в процессе легитимации на основе символических ресурсов используют следующие средства: поддержку кандидатуры федеральным центром, создание положительного имиджа через СМИ, обеспечение поддержки местных религиозных, общественно-политических авторитетов, экономических бизнесменов; процедуру «демократических выборов», которые признаются состоявшимися наблюдателями и федеральным центром; прямые назначения на руководящие посты в органах исполнительной власти; диспропорции в подготовке специалистов с высшим образованием

юридического и экономического профиля; формирование общественного мнения по проблемам этнического представительства во власти и другим аналогичным проблемам; активное использование в теоретических построениях этнократий термина «титовская нация».

Легитимация неформально-институциональных этнократий основана прежде всего на иррациональных аспектах легитимации. Используемые этнократиями символические ресурсы призваны легитимировать структуру родства, поэтому для данных типов этнократий характерно использование таких символическо-этнических маркеров, как «единая семья» (исторические представления об общности этнического происхождения); «родная земля» или «мать-земля» (территориальные претензии), «родная речь» (язык), «правовверные» и «иноверцы» (религия). Легитимация на основе символическо-этнических маркеров «единая семья», «родная земля» или «мать-земля» проявляется прежде всего в стремлении доказать самые глубокие исторические корни одного этноса в противопоставление другому. В большей степени это относится к территориальным притязаниям, когда этническая группа преследует намерение обосновать свое исключительное право на определенную территорию по причине того, что заселила ее первой.

В частности, после распада СССР на Северном Кавказе в среде национальной интеллигенции стали популярными различного рода работы, в которых обосновывалось «историческое право» того или иного этноса на свободное распоряжение природными и экономическими ресурсами на территории его проживания. Это «право» объяснялось прежде всего «историческими» ссылками на то, что именно данный народ является самым древним, своего рода прародителем «кавказской цивилизации» и поэтому «историческая справедливость» требует восстановления его «исконных прав», утраченных в результате экспансии либо со стороны России, либо соседних – «менее исторических» – народов. Большую роль в легитимации неформально-институциональных этнократий играет также личность национального лидера. По мере превращения данного лидера в национальный символ можно говорить о харизматической легитимации.

В параграфе 3.2 «Этническая идеология и легитимация

этнократий на Северном Кавказе» рассматривается другой способ легитимации формально-институциональных и неформально-институциональных этнократий на Северном Кавказе, а именно на основе этнической идеологии.

Этническая идеология является локальной идеологией определенного этнического общества. Ее отличительными особенностями являются следующие: этническая идеология как форма этнической самоидентификации; опора на самобытность и этнокультурную уникальность; проектирование будущего и ретроспекция прошлого; воплощение политических доктрин; искусственное навязывание обществу с помощью возвеличивания заслуг местных элит перед этносом.

На Северном Кавказе можно выделить два типа этнической идеологии, определяющие ее функциональное содержание: этноцентризм и этноэтатизм. Интегративная функция этнической идеологии выражается в доминировании в этносоциальном пространстве такого ее вида, как этноцентризм, выражающийся в предубежденном отношении к «чужим» этническим группам, проявляющийся в нетерпимости и основанный на превосходстве «своей» этнической группы. Функцию этнической мобилизации выполняет такой тип этнической идеологии, как этноэтатизм, при котором этнос стремится к самоопределению и созданию собственной государственности.

Легитимация на основе этнической идеологии строится с помощью реализации двух типичных стратегий конструирования социальной действительности. Первая исходит из того, что этнократиями разрабатывается такая этническая идеология, которая интерпретируется через идеальные представления о будущем социально-политическом устройстве общества (проекты будущего). В связи с этим предлагаются следующие варианты такого устройства: сотрудничество, этнизация ключевых сфер жизни общества, независимое моноэтническое государство. Вторая стратегия конструирования социальной реальности происходит на основе такой неосознаваемой ментальности, как этническая память общности, которая составляет психологическую детерминанту ее поведения (ретроспекция прошлого).

Легитимация на основе этноцентристской идеологии характерна для формально-институциональных этнократий Северного Кавказа. В связи с тем, что удовлетворены соответствующие политические

притязания и реализованы заявляемые политические права, данный тип этнократий нацелен на сотрудничество в этносоциальном пространстве.

Формирование проектов будущего социально-политического устройства на основе этноэтноатистской идеологии свойственны в большей степени неформально-институциональным этнократиям. Этноэтноатистская идеология предполагает следующие средства легитимации этнократий: популяризацию тезисов глав субъектов и первых лиц политического управленческого истеблишмента об «этнической государственности»; распространение идеи «ограниченного суверенитета», что интерпретируется как представление о достойном политическом статусе этносов.

В 90-е гг. проявления этнократий и этноэтноатизма в определенной степени являлись стабилизирующим фактором, но в современных условиях эти проявления становятся тормозом в развитии республик Северного Кавказа. В процессе легитимации опора на «умеренный» этноэтноатизм, тесно связанный с религиозным фактором, характерна для неформально-институциональных этнократий на Северном Кавказе, связанный с необходимостью получения привилегий.

Другая стратегия конструирования социальной реальности происходит на основе этнической памяти общности, которая составляет психологическую детерминанту ее поведения. В качестве объекта идеализации, как правило, выступает не все прошлое, а героические страницы истории или отдельные деяния. Используя их в качестве символов, политическая власть стремится таким образом трансформировать историческое сознание, чтобы в ее облике и деятельности угадывались образы идеализированного прошлого.

Теоретизированные представления, составляющие этническую память, передаются из поколения в поколение и существуют в виде легенд и мифов. Нередко этнопамять имеет мало общего с историей нормативной, а представления, ее составляющие, в трактовке и оценке тех или иных событий крайне тенденциозны. Входя в структуру этничности, этнопамять героизирует свой этнос, тогда как другие этнические общности часто рисуются порочными, злыми и агрессивными. Но в рамках этничности эти легенды и мифы истолковываются, как правило, в качестве принятой от предыдущих поколений мудрости.

Этноцентристская идеология формально-институциональных этнократий основывается на формировании такого мифологизированного образа прошлого, который направлен на повышение политического статуса данного этноса, обеспечение доступа к экономическим и финансовым ресурсам, контроль над территорией и ее природными богатствами. При этом гипертрофированный этноцентризм, проявляющийся в этноисторических мифах, ободряет и вселяет спокойствие в представителей мифологизируемого этноса и раздражает других, тем самым способствуя разжиганию межнациональной розни, вызывая неуважение к другим народам и неуважение к их истории и культуре при фанатичном поклонении собственной.

При доминировании этноэтнографической идеологии в неформально-институциональных этнократиях обращение к истории государственности своего народа отвечает несколько другим интересам. Этническая идеология стремится опереться на исторический (или псевдоисторический) прецедент, который призван легитимизировать нынешние претензии этноса на самостоятельную государственность и мобилизовать массы на достижение этой цели. В данном случае особое место занимают, с одной стороны, представления о «золотом веке» (периоде независимого существования), а с другой – оценка событий, связанных с инкорпорацией этнической родины в состав многонационального государства и особенно последующих за этим фактов этнической дискриминации.

В заключении работы подведены итоги диссертационного исследования, изложены основные его результаты и выводы.

Основные положения работы нашли отражение в следующих публикациях:

В научных изданиях, рекомендованных ВАК

1. *Сухоплещенко К.Ю.* Особенности институционализации и легитимации этнократии в северокавказском обществе // Социально-гуманитарные знания. 2008. № 8. – 0,6 п.л.

В других научных изданиях

2. *Сухоплещенко К.Ю.* Особенности этноидеологической легитимации отношений этновласти на Юге России / Отв. ред. Ю.Г. Волков / Приложение к «Южнороссийскому обозрению Центра системных региональных исследований и прогнозирования ИППК ЮФУ и ИСПИ РАН». – Ростов н/Д: Изд-во СКНЦ ВШ ЮФУ, 2007. – 2 п.л.

3. *Сухоплещенко К.Ю.* Этноэтноисторические идеологии на Северном Кавказе // Этноэтноисторизм и этнократии на Юге России / Отв. ред. В.В. Черноус. – Ростов н/Д: Изд-во СКНЦ ВШ ЮФУ, 2006. – 0,5 п.л.

4. *Сухоплещенко К.Ю.* Типы этнической идеологии на Северном Кавказе // Гуманитарный ежегодник. Вып. 6 / Отв. ред. Ю.Г. Волков. – Ростов н/Д; М.: Изд-во «Социально-гуманитарные знания», 2007. – 0,3 п.л.

5. *Сухоплещенко К.Ю.* Региональные этнократии: теоретико-методологические проблемы изучения в отечественной и зарубежной литературе // Гуманитарный ежегодник. Вып. 9 / Отв. ред. Ю.Г. Волков. – Ростов н/Д; М.: Изд-во «Социально-гуманитарные знания», 2009. – 0,5 п.л.

6. *Сухоплещенко К.Ю.* Этническая идеология: формы выражения на Юге России // Материалы научно-практической конференции «Неделя науки на отделении «Регионоведение», 20–21 апреля 2005 г.» / Отв.ред. Ю.Г. Волков. – Ростов н/Д, 2005. – 0,2 п.л.

Сдано в набор 21.07.2010. Подписано в печать 21.07.2010.

Формат 60x84/16

Печать офсетная, гарнитура Times New Roman.

Тираж 100 экз. Заказ № 1182.

Отпечатано ООО «Антей».

344037, г. Ростов-на-Дону, 24 линия, 20.